

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экспертно-аналитическая справка
май - 2025 года

Резюме

В настоящем экспертно-аналитическом материале на основе мониторинга открытых источников информации в сети «Интернет»¹ проведен комплексный анализ социально опасных резонансных событий, имевших как межэтническое (межнациональное) и межрелигиозное (межконфессиональное) измерение, так и миграционное основание (т.е. «антимиграционную» риторику), в числе прочих последствий получивших негативный отклик в российском информационно-медийном пространстве в мае 2025 г.

Введение

В России уделяют повышенное внимание поддержанию межэтнического мира, межрелигиозного и межконфессионального согласия, особенно в разрезе глобальной военно-политической нестабильности, санкционного давления и развязанной против нее гибридной войны в целом. Эскалация (в частности, искусственное инспирирование острых социально-политических противоречий и трений по этническим, религиозным и иным социальным идентификациям) и/или активизация этнополитических и религиозных конфликтов в регионах – серьезная угроза не просто порядку, а самому российскому суверенитету и единству многонационального российского общества.

На заседании Совета Безопасности Российской Федерации в начале июня 2025 г. Президент России [В. Путин отметил](#), что требуется жестко и оперативно реагировать на любые попытки спровоцировать межнациональные конфликты в России, связывая провокации с действиями извне. Результаты проводимых мониторинговых наблюдений (исследований) информационной сферы российских этнорелигиозных отношений и процессов, их последующий экспертный анализ и оценка, подтверждают деструктивную роль внешних сил в сознательном разжигании социальной розни внутри России, которые используют любые поводы, предлоги и социальные идентификации (этническая принадлежность, вероисповедание, социальный статус и др.), в т. ч. бытовые основания.

Для предотвращения таких конфликтов государству необходимо системно анализировать данные и информацию о межнациональных, межрелигиозных и миграционных процессах. Этот анализ помогает засечь скрытые конфликты (земельные споры, языковые трения, бытовую ксенофобию) до того, как они вспыхнут; прогнозировать зоны особого риска, оценивая влияние миграции и экономики; оперативно корректировать

¹ Справочно. В данном экспертно-аналитическом материале под источниками информации понимаются: порталы информационных агентств; сетевые СМИ; ресурсы традиционных СМИ в сети «Интернет»; онлайн справочники (словари, энциклопедии); социальные медиа (социальные сети – коммуникационные сети, блоги, видео-хостинги, форумы (тематические форумы, региональные и/или городские форумы), электронные неофициальные СМИ).

Примечание. Значительный объем информационных поводов и трендов в российском медиапространстве, имеющих разнообразную тональность, содержание и коннотацию (позитивную / нейтральную / негативную) формируется в кроссплатформенном мессенджере «Telegram», в т.ч. по межнациональным и межрелигиозным отношениям, а также миграционным процессам.

содержание национальной политики в соответствии с национальными интересами России, что жизненно важно для поддержания стабильности в обществе и сохранения суверенитета государства.

Экспертный анализ и оценка сложного поля современных российских этнорелигиозных отношений требуют применения разнообразных, часто взаимодополняющих подходов, учитывающих специфику исторического контекста, политического управления, социальной динамики и этнокультурных особенностей. В целях проведения комплексного анализа и оценки резонансных событий, имеющих как межэтническое (межнациональное) и межрелигиозное (межконфессиональное) измерение, так и миграционное основание, применяются следующие подходы (значительная часть которых была применена при подготовке настоящего экспертно-аналитического материала за отчетный период – май 2025 г. – начало июня 2025 г.):

1. Институциональный подход. Анализ формальных структур и действующего законодательства (связанного с национальной, миграционной и вероисповедной политикой, противодействием экстремизму), деятельности профильных (компетентных) государственных органов (например ФАДН России, МВД России, Минюста России и др.), деятельности официальных религиозных организации (Русской Православной Церкви, Духовного управления мусульман Российской Федерации и др.), документы стратегического планирования, прямо или косвенно связанных с национальной, миграционной или вероисповедной политикой, а также противодействием экстремизму.

Основная задача в рамках подхода – оценка эффективности институтов, соответствия действующих законов сложившейся конъюнктуре, выявление противоречий в законодательстве, анализ ресурсного обеспечения политик, изучение взаимодействия между различными институтами (например, по таким уровням, как государство – религии, федеральный центр – регионы). Ключевые методы и инструментарий подхода – это анализ нормативной правовой базы, документов стратегического планирования, отчетов о деятельности госорганов, структуры и полномочий институтов.

2. Конструктивистский подход. Исследование того, как этническая и религиозная идентичности конструируются и актуализируются в конкретных социальных, политических и исторических условиях (в контексте фиксируемых резонансных событий, происшествий). Анализ роли дискурса (государственного, медийного, выступлений религиозных лидеров, общественных активистов, российской и зарубежной (прежде всего постсоветское пространство) аудиторий в целом) в формировании представлений и образа «своих» и «чужих», «традиционных» и «нетрадиционных». Задача – формирование представлений и понимания механизмов мобилизации этничности/религиозности, анализ националистических или фундаменталистских нарративов, изучение роли СМИ и социальных медиа в формировании образов, стереотипов и стигм, экспертиза используемой риторики о «единстве» и «традиционных ценностях» в разрезе конкретных резонансных событий и конфликтных явлений в искомой сфере общественных отношений. Методологический инструментарий – дискурс-

анализ (текстов СМИ, выступлений государственных деятелей, религиозных проповедников, лидеров общественного мнения, комментариев в социальных медиа ресурсах), фокус-группы, этнографические наблюдения.

3. Конфликтологический подход. Выявление первопричин – катализаторов, динамики, участвующих субъектов и потенциальных возможностей разрешения этнорелигиозных конфликтов (латентные – открытые). Анализ конфликтогенных факторов: социально-экономическое неравенство, открытая конкуренция за ресурсы (работа, власть, символическое пространство), историческая память, деятельность экстремистских и радикальных организаций, внешнее влияние.

Задача подобного рода экспертизы состоит в мониторинге конфликтного потенциала в российских регионах или сообществах, анализ вполне конкретных инцидентов и их эскалации, оценка эффективности и своевременности мер профилактики и разрешения (медиация, диалоговые площадки, правовые меры), прогнозирование рисков. Основным методом является картирование острых этнорелигиозных конфликтов и резонансных происшествий, анализ статистики преступлений на почве ксенофобии, нетерпимости, национализма, проявлений экстремизма, мониторинг СМИ и социальных медиа ресурсов – сетей, разбор конкретных конфликтов, экспертные опросы.

4. Социокультурный (интеграционный) подход. Исследование протекающих процессов адаптации, интеграции, ассимиляции, маргинализации или обособления различных этнических и религиозных сообществ в пределах российского общества. Анализ практик межгруппового взаимодействия, формирования гражданской идентичности («русской нации»), роли культуры, языка, образования, СМИ в интеграции или, наоборот, обособлении. Задачи экспертизы состоит в текущей оценке уровня социальной и культурной инкорпорированности мигрантов и этнических меньшинств в российский социум, изучение межнационального и межконфессионального взаимодействия (браков, дружбы, соседства,) анализ эффективности программ адаптации и культурного просвещения, исследование трансляции этнокультурных традиций и др. Среди методов данной экспертизы – интерпретация и анализ результатов социологических исследований – опросов (измерение ментальных установок, толерантности, идентичностей, стереотипов, нарративов, бытующих стигм), обобщение результатов полевых этнографических исследований, изучение образовательных программ.

5. Сравнительно-региональный подход. Сопоставление этнорелигиозной обстановки, моделей управления и национальной политики в разных субъектах России (например, в республиках Северного Кавказа и центральных регионах России, крупных мегаполисах и моноэтнических населенных пунктах России). Учет уникального исторического опыта, демографического баланса, экономической структуры и политики (управленческих стратегий) региональных элит.

Задача настоящего подхода – выявление региональной специфики проблем, а также успешных эффективных практик укрепления межэтнического согласия и межрелигиозного мира, анализ влияния региональных элит на межгрупповые социальные отношения, оценка результативности региональных программ в сфере этнорелигиозной и миграционной политики. Методы – сравнительный

анализ регионального законодательства, программ и концепций, а также разбор конкретных практик регионов, анализ региональных статистических данных, СМИ и социальных медиа ресурсов.

6. *Политико-экономический подход.* Анализ взаимосвязи этнорелигиозных процессов с экономическими факторами (распределение ресурсов, доступ к рынку труда, собственности, бюджетным «потокам») и политической борьбой (использование этничности/религиозности как ресурса в борьбе за сохранение власти и влияния, клановость и др.).

Задачи экспертизы в рамках политико-экономического подхода – изучение экономических основ этнорелигиозной мобилизации, анализ коррупционных схем с этническим/конфессиональным компонентом (на примере конкретных фактов, получивших крайне широкий общественных резонанс), оценка влияния экономического неравенства на межгрупповую напряженность, исследование связей между бизнес-элитами разных национальностей/религий и властью. Ключевой инструментарий – анализ экономической статистики по регионам и группам, изучение структуры собственности и бизнеса, обобщение результатов журналистских расследований.

Таким образом, принципы комплексного анализа и оценки резонансных событий, имеющих как межэтническое (межнациональное) и межрелигиозное (межконфессиональное) измерение, так и миграционное основание, состоят, во-первых, в его *мультидисциплинарном характере*, предполагающем объединение методов социологии, политологии, социальной антропологии, истории, юриспруденции, экономики и религиоведения; во-вторых, *многоуровневости*, предполагающей учет взаимообусловленностей и связей глобальных, федеральных, региональных и локальных факторов; в-третьих, в *критическом «взгляде»*, через призму не только декларируемых целей и направлений тех или иных политических практик, но и их реальных последствий, латентных функций, интересов различных субъектов–акторов (в т.ч. внешних деструктивных сил); в-четвертых, в *сочетании количественных и качественных методов* – статистики (официальной, независимой и ангажированной), глубинных исследованиях; в-пятых, в *понимании роли государства*, признании центральной роли российского государства как основного субъекта в конструировании и регулировании современного этнорелигиозного поля.

На пути проведения экспертного анализа и оценки можно столкнуться с рядом вызов и проблем, а именно: ограниченностью и недостоверностью тех или иных сведений, данных и информации (проблемы с доступом к надежной статистике (особенно по «чувствительным» темам); сложность объекта анализа (значительное переплетение и взаимопроникновение этнического, религиозного, миграционного, социально-экономического, политического); высокая динамика и непредсказуемость (влияние внешнеполитических обстоятельств и событий, внутренних политических решений, резонансных инцидентов); наличие «слепых зон» (сложность изучения маргинальных сообществ, неформальных практик, закрытых сообществ, радикальных и экстремистских подпольных течений).

Таким образом, обстоятельный анализ и экспертиза этнорелигиозных отношений в России требуют применения одновременно комплекса подходов, их синтеза, гибкого сочетания, критического мышления и глубокого понимания специфики российского контекста в искомой сфере, где государство и общество играют ключевую, но не единственную роль в формировании весьма сложной и меняющейся картины межэтнических и межрелигиозных (межконфессиональных) отношений.

Исследование подобного рода направлено не только на фиксацию текущих вызовов, но и на разработку превентивных мер, укрепляющих межгрупповой диалог и снижающих риски дестабилизации в поликультурном обществе.

Обзор обстановки

Оценка ситуации в сфере межнациональных, межрелигиозных отношений и миграции в России в мае 2025 г. требует применения комплексного подхода, описанного выше. Однако, помимо анализа резонансных инцидентов, необходимо учитывать ключевые факторы влияния: внутреннюю политику, т.е. действия и инициативы государственных органов; экономические условия, состояние рынка труда, уровень доходов, характер регионального развития; социальную динамику, настроения в обществе, взаимодействие между группами; а также международный контекст, т.е. глобальные события, внешнеполитический трек, трансграничные миграционные потоки. Результаты мониторинговых наблюдений в мае 2025 г. иллюстрируют то, что современные процессы в разнообразных сферах усиливают вызовы и угрозы в сфере этнорелигиозного взаимодействия, что требует усиления внимания как со стороны государства, так и гражданского общества.

Результаты анализа произошедших в мае 2025 года в России событий продолжают демонстрировать сложную и многогранную картину в сфере межэтнических, межрелигиозных отношений и миграционной повестки, где позитивные процессы и тенденции соседствуют с устойчивыми вызовами, требующими как экспертно-аналитического осмысления, так и предложений (рекомендаций) по практическим решениям.

В июне с.г. на [официальном ресурсе ФАДН России](#) в сети Интернет было указано, что действующая Стратегия государственной национальной политики РФ завершает срок своей реализации в текущем году, а [проект предполагаемой новой стратегии \(до 2036 г.\)](#) содержит ряд ключевых нововведения и положений: впервые подчеркивается стратегическая важность сохранения культуры русского народа как государствообразующего; выделен специальный комплекс задач по поддержке русского языка не только в статусе государственного, но и языка межнационального общения; сохранена преемственность эффективных норм и положений предыдущей стратегии; усилен акцент на укреплении единства многонационального народа России при сохранении его богатого этнокультурного и языкового многообразия; повышена роль регионов и их ответственность за стабильность межнациональных отношений; учтено влияние миграционных процессов на этнорелигиозную сферу, включая вопросы и проблемы адаптации иностранных граждан. При этом миграционная политика в полном объеме

останется предметом отдельного нормативного правового акта Президента Российской Федерации («Концепции миграционной политики»), который актуализирует цели, задачи и направления деятельности Российской Федерации в миграционной сфере на 2019–2025 гг., который, в соответствии со своей компетенцией, разрабатывает МВД России, поскольку срок действия Концепции миграционной политики РФ на 2019-2025 гг. также истекает в текущем году.

На макроуровне сохраняется управляемая стабильность, обеспечиваемая централизованной государственной национальной и миграционной политикой (реализация Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г., несмотря на то, что принятие ее обновленной редакции (Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 г.) ожидается уже в 2025 г.), противодействием экстремистским, радикальным и сепаратистским проявлениям. Официальная риторика по-прежнему делает акцент на единстве многонационального народа России (российской нации) и вкладе всех народов в развитие страны, особенно в условиях проведения специальной военной операции и гибридной войны против России, развязанной коллективным Западом. Однако на микроуровне, особенно в крупных российских мегаполисах и регионах с выраженным полиэтничным составом (например, Северный Кавказ, некоторые области Поволжья, такие крупные агломерации, как г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область), систематически возникают бытовые конфликты разной формы и содержания на межнациональной и межрелигиозной почве. Часто они связаны с проявлениями ксенофобии и бытовыми стереотипами (проявлениями нетерпимости, недоверия к выходцам с Кавказа, из Средней Азии, мигрантам); криминальными инцидентами и происшествиями с «этническим подтекстом» (резонансные преступления и правонарушения, интерпретируемые через призму национальности участников, мгновенно нагнетают обстановку в социальных медиа ресурсах и СМИ).

Вместе с тем активно работает система профилактики через учреждения образования (программы толерантности, изучение культур) и СМИ (пропаганда межнационального согласия). Однако эффективность этих мер на местах часто зависит от качества местного управления и активности гражданского общества. Продолжается практика усиления роли общественных организаций, лояльных власти, для канализации потенциального недовольства («Русская община», «Северный человек»).

Система межрелигиозных и межконфессиональных отношения строится по модели сотрудничества традиционных для России религий (православие, ислам, иудаизм, буддизм). Диалог между российскими религиозными течениями в достаточной мере институционализирован и поддерживается государством как один из основных факторов стабильности и безопасности в религиозно-конфессиональной сфере. В мае и начале июня 2025 г. продолжились совместные социальные проекты религиозных организаций, в т.ч. [публичные мероприятия](#) и заявления [о единстве](#) в противостоянии «общим угрозам». Однако были зафиксированы значительные угрозы межрелигиозному согласию, получившие

существенный публичный резонанс и общественный «запрос» на реакцию официальных властей относительно религиозной сферы, а именно – ситуации вокруг [публичной проповеди схиигумена Гавриила](#) (прозвучала 25 мая с.г., опубликована 30 мая с.г.) и [реакции на нее генерала А. Алаудинова](#) (4 июня с.г.). Следует отметить, что в настоящее время наблюдается весьма динамичное обострение вокруг этого события, которое, по сути, обнажает достаточно высокую уязвимость и зыбкость общественного согласия в межрелигиозной сфере, в целом выражает утрату культуры межрелигиозного диалога и усиление категоричности высказываний в отношении представителей другой конфессии, что коррелирует с ожесточением общественных дискуссий.

Результаты мониторинга межрелигиозных отношений в информационном поле в мае 2025 г. иллюстрируют сохраняющуюся степень напряженности между официальными религиозными структурами (организациями) и локальными общинами, актуальность вопроса об усилении контроля за распространением нетрадиционных для России течений ислама (салафизма, ваххабизма и др.) и профилактики радикализации молодежи остаются крайне актуальными. Майские мероприятия в преддверии Курбан–Байрама прошли спокойно, но под усиленным контролем со стороны органов правопорядка.

Вместе с тем религиозные группы, не принадлежащие ни одной из четырех традиционных религий России, часто сталкиваются с высокой степенью недоверия и подозрительности со стороны органов государственной власти и общества (*следует заметить – в большинстве случаев вполне оправданно и обоснованно*), административными барьерами, а иногда и с прямой дискриминацией. Законодательство о «противодействии экстремизму» используется, в т.ч., для ограничения их деятельности. В частности, на отдельных медиа ресурсах в Telegram [обсуждались инициативы о т.н.](#) «создании ведомства, которое будет контролировать работу и активность религиозных организаций», что продиктовано «распространением разного рода экстремистских религиозных течений и тенденций, а также активизацией сектантов».

Продолжаются широкие общественные дискуссии о границах и пределах присутствия религии и конфессий в публичном пространстве (сфера [образования](#), [армия](#), [государственная символика](#)), которые вызывают неоднозначную реакцию у светской части общества.

Важно отметить, что традиционные религии России как столпы внутренней стабильности сталкиваются с ростом религиозного плюрализма и секулярных запросов. Эффективное управление в религиозной сфере требует более гибкого подхода, балансирующего между поддержкой традиционных религиозных институтов и защитой свободы совести для всех, что остается сложной задачей.

В мае с.г. уже традиционно была подсвечена определенная проблематика отечественной миграционной повестки, связанная с миграционными процессами как таковыми, противоправной, порою преступной деятельностью трудовых мигрантов (иностранных граждан), вовлечением их в бытовые трения и

противоречия, которые получают широкую огласку в информационном поле, усиливая и укрепляя антимигрантские настроения в российском социуме.

Нехватка рабочей силы в ключевых секторах (строительстве, ЖКХ, транспорте, сельском хозяйстве, сфере услуг) продолжают обуславливать приток трудовых мигрантов, преимущественно из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), без которых функционирование многих отраслей и инфраструктур крупных городов становится проблематичным. Значительное число мигрантов, особенно визуально наблюдаемое в районах крупных мегаполисах, подпитывает ксенофобские настроения, стереотипы и бытовые конфликты. Тема миграции (в большей мере проблема нелегальной миграции и преступности среди мигрантов) продолжает оставаться одной из самых острых и политизированных, что подтверждается публичными выступлениями российских официальных лиц – главы МВД России В. Колокольцева ([«безработные и непрошедшие дактилоскопию мигранты должны покинуть Российскую Федерацию»](#)), глава Республики Крым С. Аксенова ([«...предложения будут касаться запрета трудовым мигрантам привозить семьи в Россию и исключения возможности получения российского гражданства на основании трудовой визы. Приехали – поработали – спасибо – до свидания»](#)) и др.

Май 2025 г. был ознаменован значительными правовыми нововведениями в сфере миграции, направленные на ужесточение регулирования миграции. Так, к ним следует отнести: [поправки в федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109–ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»](#) в части, касающейся проведения в целях миграционного учета экспериментов по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан; [разработка законопроекта](#) о запрете использования более одной сим-карты мигрантами и др. Вместе с тем продолжают действовать и ужесточаться нормы о патентах, знании русского языка, истории и законодательства России. Активно обсуждаются и готовятся новые ограничительные инициативы (например, в разработке нормы по квотированию для определенных профессий или регионов, ужесточению депортационных процедур). В частности, обсуждаются инициативы, направленные на нормативное закрепление норм, обязывающих мигрантов декларировать свою лояльность российским ценностям и законам, особенно на фоне общей геополитической напряженности.

[Продолжаются рейды](#) и проверки со стороны правоохранительных органов мест компактного проживания и трудоустройства мигрантов, сопровождающиеся массовыми задержаниями и депортациями за нарушения миграционного режима (просроченные документы, нарушение правил пребывания, отсутствие оснований для легализации пребывания, иные правонарушения).

Таким образом, практические программы социально-культурной адаптации мигрантов (языковые курсы, правовое просвещение) существуют, но их масштаб и эффективность явно отстают от масштабов миграционных потоков и глубины проблем. Вероятно, преобладает установка на временность пребывания и строгое соблюдение правил, а не на долгосрочную интеграцию, что создает определенные

риски формирования замкнутых анклавов и маргинализации мигрантов. Определяющая парадигма этнорелигиозных отношений остается практически неизменной: обеспечение социально-политической стабильности и безопасности через сильный централизованный контроль, поддержка лояльных этнорелигиозных элит, а также законодательное и силовое подавление потенциальных очагов напряженности. Вместе с тем концепт российской нации как гражданской общности пока не стала практической альтернативой этнической идентичности для многих групп – этнических сообществ России.

Миграционные процессы – главный источник социальной напряженности. Существующая модель («экономическая необходимость – достаточно жесткое регулирование – слабая интеграция»), вероятно, не так неустойчива, поскольку не решает структурных проблем на рынке труда, усугубляет ксенофобию и не предлагает внятной долгосрочной стратегии в рассматриваемой сфере. Требуется переосмысление баланса между экономическими потребностями, безопасностью и социальной сплоченностью. Следует заметить, что часть позитивных практик межнационального и межрелигиозного взаимодействия, помощи мигрантам в адаптации и интеграции часто исходят от НКО и локальных инициатив. Однако их пространство для маневра и действий ограничено общим законодательным и политическим «климатом». Социальные сети и медиа ресурсы остаются полем битвы, где активно распространяются как конструктивные нарративы единства, так и деструктивные стереотипы, недостоверная информация и разжигающая межнациональную и межрелигиозную рознь риторика, поэтому контроль над информационным пространством в этих вопросах остается приоритетом для государства и для социального благополучия.

Весьма примечательными и достаточно интересными являются данные, обнародованные по итогам [проведенного социологического исследования АНО «Левада-Центр» \(внесен Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента\), 16 мая 2025 г.](#), характеризующие уровень ксенофобии и межнациональной напряженности, отношение к приезжим, возможность столкновений на национальной почве. Исследование было проведено в апреле 2025 г.

Результаты исследования интерпретируются в виде следующих выводов: *«отношение россиян к мигрантам остается негативным: большинство опрошенных считают, что они увеличивают уровень преступности, негативно влияют на экономику и культуру. Семеро из десяти опрошенных считают, что следует ограничить приток приезжих и выдворить из страны всех нелегальных мигрантов <...> большинство респондентов не ощущают межнациональной напряженности (79%) в месте своего проживания, не чувствуют открытую враждебность со стороны людей других национальностей и не испытывают ее сами. Однако до трети опрошенных считают возможными массовые столкновения на национальной почве в стране в целом (34%) <...> Большинство опрошенных думают, что правительство России должно ограничивать приток приезжих (70%)».*

В целом межнациональная ситуация в России оценивается большинством граждан как относительно стабильная. Однако российские официальные лица признают наличие [тревожных тенденций](#), на которые указал М. М. Магомедов и полпред Президента России в УрФО А. Жога на совещании с уральскими губернаторами, на котором обсуждалась ситуация в сфере межнациональных отношений (г. Магнитогорск, Челябинская область). А. Жога отметил, что в условиях проведения Россией специальной военной операции *«противники делают ставку на раскол российского общества по национальному и конфессиональному признакам»*.

Имеется ряд усиливающихся рисков, подрывающих межнациональное согласие. Одно из них – миграция. Массовый въезд трудовых мигрантов создает в ряде городов изолированные этнические сообщества, так называемые «анклавы». Формирующиеся [«этнические анклавы могут стать рассадниками экстремизма»](#): внутри них закладываются замкнутость и особые правила, что дополнительно «усиливает напряженность в межнациональных отношениях».

В ряде населенных пунктов, где компактно проживают представители одного этноса, зачастую не соблюдаются российские законы, распространяются радикальные идеи и криминальные практики. Проблема усугубляется нелегальной миграцией. Так, [по данным МВД России](#), на российской территории постоянно находятся свыше 670 тысяч иностранцев с истекшими разрешениями на пребывание, что создает дополнительное напряжение и нагрузку на профильные органы государственной власти. Одновременно растет нагрузка на социальную инфраструктуру. В некоторых общеобразовательных учреждениях доля детей мигрантов достигает 50% и более. Многие из них плохо владеют русским языком. Такое «несбалансированное» распределение школьников негативно влияет на качество образования и порождает недовольство среди коренного населения.

[«Недружественные страны используют миграционный фактор в ущерб интересам»](#) России: случаи нарушения иностранцами порядка эксплуатируются для «обострения этнических и религиозных противоречий, роста межнациональной напряженности». Вместе с тем на социальном и политическом поле России сохраняется высокий уровень ксенофобии и националистических настроений, а нарастающая мигрантофобия находит отражение в общественном дискурсе и политике. При этом существует опасность, что антимигрантская и шовинистская риторика может играть на руку «недружественным России странам». В особом внимании нуждаются попытки разжигания межнациональной розни и неприязни через социальные медиа ресурсы и «патриотические» каналы. В частности, часть телеграм-каналов, освещающие специальную военную операцию, подогревают антимигрантские настроения.

Среди вызовов, фиксируемых на протяжении всего периода подготовки экспертно-аналитических материалов, отмечается рост экстремизма, радикализма в его разнообразных проявлениях. Так, абсолютно своевременно в обновленной государственной Стратегии противодействия экстремизму особое внимание уделено деятельности «радикальных общественных объединений и

группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию». Подобные организации, как правило, умышленно используют этнический и религиозный фактор для привлечения в свои ряды новых членов, разжигания и обострения межнациональных и межрелигиозных конфликтов, подтверждением чему – резкое увеличение экстремистских преступлений в 2024 г. Критически уязвимой является молодежь, поскольку есть не единичные случаи вовлечения подростков в ультраправые националистические группировки, а также активная вербовка приезжих в экстремистские сети.

Другой стороной названной угрозы является религиозный радикализм. В ряде регионов регистрируются попытки внедрения норм шариата в светское общество. На народы Северного Кавказа и Поволжья оказывается растущее информационное деструктивное воздействие через исламские тематические ресурсы, особенно в «Telegram». На этом фоне межнациональные конфликты – от бытовых стычек до серьезных инцидентов – остаются реальной опасностью.

Отдельно стоит информационная среда. Непроверенные сообщения и ложная информация все чаще используются для разжигания ненависти, а также стигматизации и усиления недоверия. Эта тенденция способствует разжиганию ненависти, усилению экстремистских воззрений и разрушению общегражданской общности (идентичности). Основными каналами тиражирования деструктивного контента остаются цифровые платформы в сети Интернет и социальные медиа ресурсы. Манипулирование общественным мнением и распространение недостоверной (ложной) информации о властях и армии создают базу для роста экстремизма и межнациональных трений, что в совокупности существенно усложняет поддержание межнационального мира.

Несмотря на прилагаемые усилия в укреплении стабильности, требуется необходимость комплексного подхода – учета экономических факторов и международного контекста, недопущения развития и эскалации межнациональной напряженности. В целом, текущая ситуация показывает сочетание относительной стабильности и нарастающих рисков: если государство и общество не будут внимательно работать над интеграцией мигрантов, пресечением радикализма и информационных операций враждебных сил, угрозы межнациональному согласию сохранятся и даже усилятся.

Обстановка в мае 2025 г. показывает, что продолжается балансирование между необходимостью поддержания достаточно сложного межнационального мира и межконфессионального согласия в условиях внутреннего разнообразия и внешних вызовов и экономической зависимостью от миграции, которая сама по себе становится мощным фактором социальной дестабилизации.

Важные концепты «многонационального единства» и «традиционных ценностей» испытываются на прочность серьезными практическими проблемами ксенофобии, бытовой нетерпимости, религиозного плюрализма и эксцессами в миграционной сфере. Успешное преодоление этих вызовов требует не только силовых и административных мер, но корректировки подходов к интеграции, диалогу и формированию инклюзивной гражданской идентичности в долгосрочной

перспективе, что в настоящий момент является скорее теоретическим вопросом, нежели быстрореализуемой практической перспективой в политике.

Текущая геополитическая ситуация, проведение специальной военной операции в разы повышает актуальность и необходимость поддержания межнационального и межрелигиозного согласия. Критически важен постоянный мониторинг и анализ процессов для раннего выявления конфликтов. Сложность системы межнациональных отношений в России, подверженной множеству внутренних и внешних факторов, требует всестороннего изучения – от историко-культурного контекста до глобальных тенденций – для предотвращения угроз стабильности и безопасности.

В анализируемом отчетном периоде этнорелигиозная напряженность в России формировалась: [антицыганскими стихийными выступлениями](#) в Алтайском крае; [предполагаемым участием чувашских экстремистов-эмигрантов](#) в попытке совершения теракта в отношении экс-военкома в Чувашии; [очередным случаем, вероятно, незаконного получения жилищных сертификатов](#) «новыми» российскими гражданами в г. Костроме; [вмешательством омбудсмена Чечни М. Солтаева](#) в уголовное дело об избиении подростком-чеченцем русских школьников в г. Твери; [активизацией черкесских организаций в Турции по недопущению](#) принятия языковых ограничений для репатриации соотечественников на Северный Кавказ; [инцидентом с участием активистов «Русской Общины»](#) в Ленинградской области; нападением двух [неофитов-салафитов на полицейских в г. Махачкале](#); массовой [дракой местных жителей с ингушами в г. Камешково](#) Владимирской области; оценкой межнациональных отношений на Урале [полпредом Президента России А. Жогой](#); осквернением [символа воинской славы детьми в Калужской области](#); [выявленных ФСБ России крупных масштабов экстремистской и террористической вербовки](#) российской молодежи структурами киевского режима; заявлениями лидера партии «Справедливая Россия – за правду» [С. Миронова о необходимости полной ликвидации диаспор](#); активным подстрекательством в сети Интернет российских граждан к протестам и массовым жалобам властям [из-за отсутствия на гербе России в Чечне крестов](#) и в целом последствиями отсутствия крестов на российской государственной символике в цифровой среде; [намерениями жителей с. Ленинаула в Дагестане решить спор о сносе мечети](#) на основе не российских законов, а норм шариата; попытками эскалации [межэтнической напряженности под предлогом защиты экологии](#) в Башкирии; [лоббизмом Духовного управления мусульман Российской Федерации интересов фармацевтических компаний Турции](#); попытками [политизировать мероприятия, посвященные 161 годовщине окончания Кавказской войны](#); скандальным [заявлением югорского депутата Халида Таги-Заде](#) по поводу того, что часть Ханты-Мансийского автономного округа и Тюменской области – это историческая родина узбеков; [задержанием муфтия Ростовской области А. Абусупьянова](#) по подозрению в участии в деятельности «Ат-Такфир валь-Хиджры» (экстремистское движение, запрещено в России); захватом [представителями цыганской народности домов под снос в г. Новосибирске](#) и прецедентом готовности властей Екатеринбурга выкупать у цыган занятую ими незаконно землю; новым поворотом в деле о [похищении в г.Екатеринбурге](#)

[спецслужбами Азербайджана 71-летнего тальшского оппозиционера З.Ибрагимова; вбросом киевским режимом фейковых видео с «чеченским следом» в теракте, где погиб замглавы г. Ставрополя З.Гурциев.](#)

В анализируемом отчетном периоде напряженность, катализированная миграционными вызовами на территории России, связана с [сообщением о предотвращении террористической атаки](#) на православный храм в Алтайском крае; [выявлением незаконных схем по легализации иностранных граждан](#) на территории России; [позицией узбекских политиков по проблеме нарушения прав соотечественников](#) в России; публикацией о [пяти самых криминальных городах ближайшего Подмосковья](#); результатами [тестирования детей мигрантов на знание русского языка](#); [смертью девушки в Пермском крае](#) после попытки мигрантов с ней познакомиться; [обсуждением на Петербургском международном юридическом форуме проблем в сфере миграции](#); задержанием [администратора чата](#) для педофилов; [легализацией иностранных граждан при содействии сотрудников российских университетов](#) и [изнасилованием девушки мигрантами из Средней Азии](#).

Таким образом, в процессе мониторинга открытых источников в январе с.г. «взрывной» характер и центральное внимание федеральных и региональных СМИ и социальных медиа ресурсов в «Telegram» привлекли информационные поводы, существенная доля которых – закономерное продолжение негативных тенденций, выявленных (диагностированных) в прежние отчетные периоды в рамках мониторинговой и экспертно-аналитической компании ЦСПИИТ за первый квартал 2025 г.

Наиболее резонансные события можно выделить в следующие тематические блоки:

[**Экстремистский фактор**](#)

[**Миграционный маятник: конфликты и противоречия**](#)

[**Точки религиозных противоречий**](#)

[**Межнациональные противоречия**](#)

Анализ наиболее резонансных событий

Экстремистский фактор

Нападение в г. Махачкале

5 мая с.г. в г. Махачкале Республики Дагестан [произошло вооруженное нападение](#) на представителей органов правопорядка. Двое боевиков атаковали сотрудников правоохранительных органов, прибывших на место ДТП, завладев их служебным автомобилем, пытались скрыться. На протяжении нескольких сотен метров преступники были блокированы нарядами полиции. В результате [перестрелки погибли двое полицейских](#). Оба нападавших были ликвидированы.

Следственное управление [СК России по Республики Дагестан возбудило уголовное дело](#) по статьям 317 (посягательство на жизнь правоохранителя), 166 (угон транспортного средства) и 222 (незаконный оборот оружия) Уголовного

кодекса РФ. Террористами оказались А. Алимагомедов и Б. Магомедов, оба 2000 г.р., уроженцы Дагестана, ранее не фигурировавшие в «базах спецслужб».

Анализ [их внешности \(«ваххабитские бородки» с выбритыми усами\) и активности в соцсетях \(смена аватар на изображения с оружием и символикой джихада\)](#) указывает на их радикализацию. Окружение боевиков постфактум отметило их замкнутость, повышенную религиозность, посещение изолированной мечети, тайные встречи и неоднократные поездки в Турцию с неустановленными целями. Вероятно, если бы родственники или знакомые своевременно сообщили в правоохранительные органы о подозрительных изменениях в их поведении и идеологии, трагедии, вероятно, удалось бы избежать.

Нападение в г. Махачкале демонстрирует типичную модель стремительной радикализации «неофитов» – лиц, ранее не входивших в поле зрения органов безопасности. Опасность таких случаев заключается в их непредсказуемости и сложности профилактики. Анализируя этапы радикализации боевиков, можно выделить такие характерные маркеры, как:

1. Идеологическая трансформация. Смена визуальных идентификаторов (бороды, стиль одежды), цифрового следа (пропагандистский контент в сети Интернет и социальных медиа ресурсах) и другие фиксируемые атрибутивные индикаторы перехода, как правило, к идеологии салафитско-джихадистской толка.

2. Социальная изоляция. Резкое сужение круга общения, уход в закрытые религиозные группы («своя мечеть»), формирование тайного образа жизни – признаки разрыва с прежней социальной средой и образом жизни.

3. Внешнее влияние. Неоднократные поездки в Турцию, не объясненные близким, указывают на возможное прохождение инструктажа или вербовку в зарубежных экстремистских религиозных ячейках.

Данная трагедия в той или иной степени отражает внутренние социальные проблемы. Окружение (семья и друзья) может интерпретировать тревожные изменения как некую «религиозную моду», не осознавая их деструктивный потенциал, что, в принципе, отражает недостаток общественной осведомленности о признаках радикализации. Открытая демонстрация символики «джихада» в личных аккаунтах не привлекла своевременного и должного внимания со стороны компетентных органов и правоохранительных структур, что указывает на явные пробелы в мониторинге цифрового пространства на предмет радикализации молодежи и распространения противоправного контента.

Вместе с тем Турция остается критически важным «хабом» для вербовки и координации экстремистов-радикалов на Северном Кавказе и Поволжье, что требует усиления межгосударственного взаимодействия по линии ФСБ России и Национальной разведывательной организации Турции (МИТ).

Инцидент (фактически, акт терроризма) подтверждает необходимость комплексных мер по профилактике религиозного радикализма на уровне общин, через внедрение мер и подходов для родственников (прежде всего для них) и имамов (предполагается, что они уже владеют техникой и способами такой социально-психологической практики) по раннему распознаванию признаков

радикализации (изоляция, агрессивная риторика, смена внешности и других внешних атрибутов); *по цифровому мониторингу*, через развитие алгоритмов искусственного алгоритма для анализа соцсетей на предмет пропаганды на национальных языках (особенно в закрытых чатах, сообществах, пабликах и на иных площадках ресурсов в сети «Интернет» и социальных медиа); *по усилению контроля за поездками*, целевая проверка граждан, неоднократно посещающих страны с высокой террористической активностью (Турция, Сирия, Египет и др.) без ясных гуманитарных целей.

Следует отметить, что Турция действительно является значимым, но и сложным и неоднозначным фактором в контексте религиозной радикализации молодежи на Северном Кавказе. Однако ее влияние нельзя назвать прямым или единственным, но оно проявляется через несколько ключевых каналов.

Исторические связи Северного Кавказа с Османской империей создали основания для культурной и религиозной памяти взаимодействия. Турция может восприниматься многими северокавказскими народами как наследница Халифата и «старший брат» мусульманских народов. Крупная и влиятельная северокавказская диаспора (черкесская, чеченская, дагестанская и др.) в Турции выступает этнокультурным мостом. Она сохраняет связи с родиной, оказывает гуманитарную помощь, способствует образовательным обменам, но также может быть каналом для распространения определенных религиозных течений, идей.

Турецкие религиозные лица (например, [школы Имама-Хатиба](#)) и другие [образовательные учреждения высшего образования](#) – университеты (особенно факультеты теологии) активно привлекают молодежь с Кавказского региона. Хотя официально преподается умеренный ханафитский мазхаб (богословско-правовая школа), обучающиеся попадают в среду, где могут контактировать с разными течениями, включая более консервативные или салафитские круги, не всегда подконтрольные государству.

Управление по делам религии Турции («[Диянет](#)») (которое ни единожды находилось в фокусе внимания в рамках прежних экспертно-аналитических исследований – материалов) активно работает за рубежом, финансируя мечети, отправляя имамов, распространяя религиозную литературу. На Северном Кавказе его деятельность официально направлена на поддержку умеренного ислама (ханафитского мазхаба), конкурирующего с салафизмом и радикальными течениями. Однако поддержка «умеренного ислама» по-турецки иногда воспринимается местными традиционными духовными управлениями (муфтиятами) как прямое вмешательство и конкуренция. Турецкий религиозный экспорт может косвенно способствовать политизации ислама, даже в его умеренной форме, что создает почву для более радикальных интерпретаций. Турция – центр многих суфийских братств (тарикатов), исторически имеющих сильные позиции на Северном Кавказе (особенно накшбандия). Хотя суфизм обычно считается умеренным, но некоторые его ответвления могут быть вовлечены в политический процесс, являясь каналом влияния.

Также нужно отметить, что популярные турецкие телеканалы и онлайн-ресурсы (как государственные, так и частные) широко доступны на Северном

Кавказе. Их контент, в т.ч. развлекательный («турецкие сериалы»), особенно в последнее десятилетие, часто содержит сильный акцент на мусульманской идентичности, антизападную и антиизраильскую риторику, прославление османского прошлого и роли Турции как лидера исламского мира.

Турецкие неправительственные организации, действующие на Северном Кавказе, имеют религиозный компонент в своей деятельности (строительство мечетей, помощь нуждающимся через религиозные общины), а некоторые из них связаны с религиозными движениями или братствами, лояльными Анкаре.

Существуют риски возможных финансовых потоков из Турции (через диаспору, частных лиц, НКО) в адрес религиозных групп на Северном Кавказе, включая тех, что могут придерживаться радикальных взглядов. Учитывая то, что Турция позиционирует себя как защитница мусульманских народов и стремится увеличить свое влияние на постсоветском пространстве, включая Северный Кавказ, это может приводить к «конкуренции» с Россией и местными властями за «души и умы» мусульманской молодежи. Турецкие информационные хостинги и платформы иногда используются радикальными проповедниками (включая выходцев с Северного Кавказа, находящихся в Турции или других странах) для распространения своих деструктивных воззрений на единоверцев в России. Турецкие власти борются с этим, но контроль, как показывает практика, не абсолютен. Нет убедительных подтверждений в открытых источниках сети Интернет того, что официальная Анкара целенаправленно поддерживает религиозный радикализм или экстремизм на Северном Кавказе.

Политика Турции часто двойственна, официальный курс на умеренность и сотрудничество с Россией может сочетаться с использованием «мягкой силы» через религиозные и культурные каналы для усиления своего влияния, что иногда имеет непреднамеренные последствия. Как уже не раз отмечалось (в рамках подготовки прежних экспертно-аналитических материалов подобного рода), основные причины радикализации молодежи на Северном Кавказе носят внутренний характер. Это социально-экономические проблемы (безработица, бедность, коррупция, проблемы в самореализации), ощущение дискриминации (как правило, искусственно насаждаемые извне), вероятная слабость традиционных религиозных институтов и др. Турция – лишь один из внешних факторов, накладывающийся на эту сложную внутреннюю почву.

Таким образом, влияние Турции, весьма опосредованное, сложное и часто непреднамеренное в плане поддержки именно религиозного радикализма, в сочетании с внутренними проблемами северокавказского региона может способствовать формированию мировоззрения, восприимчивого к радикальным идеям, даже если сама Турция формально им противодействует.

Таким образом, без оперативного вмешательства на этапе идеологической индоктринации подобные атаки «одиночек» по подобию тех, что произошли в г. Махачкале, останутся наиболее уязвимым звеном в системе антитеррора. Трагедия 5 мая – наглядное свидетельство цены запоздалой реакции.

15 мая 2025 г. [ФСБ России опубликовала](#) итоги масштабной операции по противодействию распространению идеологии насилия и массовых убийств среди молодежи совместно с МВД России, Росгвардией и СК России, охватившей 81 российский субъект. Правоохранительными органами были предотвращены вооруженные нападения на учебные заведения в г. Москве и г. Тюмени, а также насильственные акции в г. Кемерово, г. Ростове-на-Дону и г. Йошкар-Оле. В ходе операции задержаны шестеро подозреваемых, у которых изъяты компоненты для изготовления взрывных устройств, холодное оружие, планы атак, а также пропагандистские материалы неонацистского и террористического содержания.

Оперативно-криминалистический анализ средств связи задержанных выявил их переписку с украинскими кураторами, содержащую инструкции по диверсионно-террористической деятельности.

Также была пресечена деятельность 57 администраторов деструктивных Telegram-каналов, распространявших террористическую идеологию. Приняты профилактические меры в отношении 305 несовершеннолетних, подвергшихся влиянию зарубежных пропагандистов.

Согласно [данным Генпрокуратуры России и МВД России, в 2024 г.](#) было зарегистрировано 13 инцидентов и попыток вооруженных нападений на образовательные учреждения (11 из которых были предотвращены), тогда как [в 2023 г. произошло 15 подобных](#) случаев в 12 регионах, связанных с движением «Колумбайн» (запрещено на территории России), популяризацией которого активно занимаются структуры киевского режима.

Оперативные результаты работы ФСБ России в прямом взаимодействии с другими силовыми ведомствами демонстрируют заметное повышение эффективности силового подавления террористических угроз «колумбайновского» типа.

Ключевым фактором успеха стало выявление иностранного следа – установленная связь задержанных с украинскими кураторами подтверждает системный характер деструктивного влияния, где идеологическая обработка через Telegram-каналы сочетается с поставкой практических инструкций по террористической деятельности.

Вместе с тем статистика профилактической работы (305 выявленных несовершеннолетних в группе особого риска) свидетельствует о сохраняющихся проблемах. Отсутствие данных о сокращении аудитории деструктивного контента и количестве вновь вовлекаемых подростков указывает на недостаточность превентивных мер. Воспитательные и идеологические программы, судя по всему, не успевают за динамикой радикализации в цифровой среде.

Недостаточная проработка контент-контроля в социальных сетях и медиа, низкая эффективность патриотических альтернатив в соцсетях и формальный характер школьной профилактики создают условия для воспроизводства угрозы, несмотря на оперативные успехи. Украинские координаторы, как показали изъятые материалы, активно используют этот дисбаланс, смещая акцент с открытой пропаганды на скрытую индивидуализированную вербовку через закрытые чаты. Таким образом, нейтрализация физических исполнителей не

решает проблему идеологической подпитки терроризма, где, вероятно, требуется комплексная перестройка информационно-воспитательной работы с молодежью и создание цифрового «иммунитета» к деструктивным нарративам, в частности обеспечение информационно-психологической безопасности.

Предотвращение распространения идеологии насилия, массовых убийств и суицида среди молодежи требует комплексного подхода при участии органов власти, образовательных учреждений, семьи, квалифицированных психологов и самого общества. Для этого требуется достаточное количество квалифицированных специалистов, доступных для учеников, для активной работы по выявлению детей группы риска (замкнутость, агрессия, признаки депрессии, буллинг).

Ключевой вектор совершенствования противодействия информационно-психологическим угрозам в молодежной среде – развитие цифровой безопасности и медиаграмотность, а именно:

- обучение подростков критической оценке информации, распознаванию манипулятивных техник, пропаганды насилия и деструктивных культов в сети Интернет;

- совершенствование алгоритмов и работа модераторов социальных сетей, медиа платформ для оперативной ликвидации/удаления запрещенного, противоправного и деструктивного контента (пропаганда насилия, суицида, инструкции по изготовлению оружия);

- инструменты родительского контроля (не как «тотальный шпионаж», а как элемент информационной безопасности), понимание онлайн-рисков, открытый диалог с детьми о безопасных коммуникациях в сети Интернет.

Не менее важно совершенствование нормативной правовой базы в сфере информационной и информационно-психологической безопасности. Наличие законов, запрещающих пропаганду насилия, терроризма, экстремизма, суицида и содействующих их распространению. Оперативное расследование угроз и призывов к насилию в сети Интернет, выявление и пресечение деятельности деструктивных групп и сообществ. Важно избегать излишней репрессивности в отношении самих подростков, делая акцент на профилактике и помощи, а также строгий контроль оборота оружия.

Ключевые принципы успешной профилактики:

- *превентивность* – акцент на раннем выявлении рисков;

- *системность* – взаимодействие всех государственных и общественных структур (образование, здравоохранение, соцзащита, МВД, семья, НКО);

- *профессионализм* – привлечение квалифицированных специалистов;

- *доверие* – создание среды, где подросток чувствует себя услышанным и может обратиться за помощью без страха осуждения или наказания;

- *позитивный фокус* – пропаганда привлекательных альтернатив и разных возможностей для самореализации взамен запретов и ограничений.

Миграционный маятник: конфликты и противоречия

Попытка поджога православного храма в г. Барнауле

В г. Барнауле [был задержан гражданин Таджикистана П. Курбонов](#), имевший ВНЖ в России, [планировавший поджог](#) Покровского кафедрального собора во время воскресной службы, когда в храме находилось бы максимальное число прихожан. В отношении него возбуждено уголовное дело по составу статьи 205 Уголовного кодекса (подготовка теракта). [По данным СМИ](#), П. Курбонов снимал квартиру и работал на стройке. [Обсуждались версии о его возможных связях](#) с радикальными группами, на что указывают переписки в соцсетях.

Контекст аналогичных инцидентов:

- [г. Барнаул, Алтайский край](#), приговор суда на 13 лет лишения свободы иностранцу за оправдание терроризма в соцсетях;
- [Ханты-Мансийский автономный округ](#), задержание троих лиц (включая украинца и белоруса) при подготовке теракта против военнослужащего.

Действия П. Курбонова могут быть как результатом самостоятельной радикализации (через доступную в сети Интернет радикальную пропаганду), так и деятельностью вербовщиков. Упоминание переписок с неизвестными указывает на возможную координацию его действий с агентами запрещенных террористических группировок. Граждане Таджикистана неоднократно фигурировали в делах о терактах – например, о [нападении на церковь в Стамбуле](#) (2024 г.), где исполнители были членами таджикской ячейки «Вилят Хорасан» (террористическая организация, деятельность которой запрещена в России).

Таджикистан десятилетиями остается зоной влияния транснационального терроризма из-за клановой раздробленности, бедности и близости к Афганистану. Это создает почву для вербовки мигрантов, проживающих и работающих на территории России.

В целом, эпизоды, описанные выше, иллюстрируют комплекс проблем в регулировании миграции. Например, отсутствие фильтрации, безвизовый режим со республиками Средней Азии упрощает въезд, но не включает эффективных механизмов проверки на радикализацию. Весной 2025 г. демонстрировался рост уголовных дел о терроризме с участием мигрантов в регионах с их высокой концентрацией (Московская область, г. Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ). Выбор православного храма, особенно во время службы, подчеркивает стремление нанести удар по сакральным символам российского общества, это прямо перекликается с другими случаями осквернения церквей – например, [инцидент в г. Москве в июне 2024 г.](#), когда гражданин Таджикистана тушил свечи и толкал прихожанку.

В условиях проведения специальной военной операции подобного рода атаки могут трактоваться как часть «гибридной войны» против России. Военкор [Котенок указывает](#) на возможную связь П. Курбонова с украинскими кураторами.

За месяц в г. Барнауле зафиксировано два дела о терроризме с участием мигрантов, что может указывать на формирование «горячих точек», где слабый социальный контроль и высокая концентрация трудовых мигрантов облегчают вербовку. Использование соцсетей для пропаганды и координации (как в деле с осужденным в г. Барнауле иностранцем) снижает риски для организаторов. В

случае П. Курбонова соцсети могли быть каналом связи с террористическими элементами, чьи «спящие ячейки» и агенты активно действуют через Telegram и иные платформы социальных медиа ресурсов. Подобные инциденты усиливают стереотипы о т.н. «взаимосвязи» миграции с экстремизмом и терроризмом, что может спровоцировать ответную агрессию в отношении диаспор. Например, в Алтайском крае уже существует напряженность из-за конфликта местных жителей с представителями цыганской общины, а новые эксцессы усугубляют межэтнические трения.

Соответственно, инцидент с П. Курбоновым отражает некоторую уязвимость на трех уровнях:

- недостаточные меры контроля за миграцией: отсутствие эффективного скрининга на радикализацию среди трудовых мигрантов при въезде;
- безопасность религиозных учреждений: православные храмы остаются символическими целями для атак, что требует усиления их охраны;
- информационная война: активное использование террористических актов в политической риторике для разжигания ксенофобии или оправдания репрессивных мер.

Без комплексных программ (социальной адаптации мигрантов, мониторинга радикального контента, межрелигиозный диалог) волна экстремизма способна нарастать, углубляя раскол в обществе на этнорелигиозной почве.

Тестирование детей мигрантов перед зачислением в российские школы

С декабря 2024 г. в России [действует законодательная норма](#), требующая обязательного тестирования по русскому языку для детей мигрантов при зачислении в российские школы. Инициатива, предложенная спикером Госдумы России В. [Володиным и поддержанная 96% участников](#) его телеграм-опроса (свыше 600 тыс. голосов), была оперативно одобрена парламентом при участии ключевых фракционных лидеров.

Изменения в федеральный закон «Об образовании» предусматривают [отказ в приеме детям, не прошедшим тест](#), при этом все детали процедуры возложены на Минпросвещения России. Президент России В. Путин и Совет Федерации [публично одобрили](#) данную инициативу. Первые итоги мониторинга Рособнадзора (май 2025 г.) выявили тревожный тренд: 81% иностранных [детей отказались](#) от тестирования до его начала из-за проблем с документацией, нехватки мест или недостоверных данных, что создает значительные риски массовой образовательной изоляции и социальной дезадаптации.

По формальным основаниям принятые меры могут трактоваться как противоречащие нормам статьи 43 Основного закона Российской Федерации (гарантия общедоступности образования), а также статьи 28 Конвенции о правах ребенка (право на образование без дискриминации по признаку языка) (ратифицирована Российской Федерацией 16 августа 1990 г.). [Международные нормы](#) (например, доклады Комитета ООН по правам ребенка) подчеркивают, что языковые барьеры должны преодолеваются через поддержку, а не исключение.

Эксперты ЮНЕСКО [отмечают, что подобные фильтры нарушают](#) принцип инклюзивного и доступного образования. Данные Рособрнадзора (81% отказ) указывают на процессы маргинализации. Дети, лишенные школы, попадают в группы риска по криминализации («улица» как альтернатива); психологическим травмам (стигматизация, чувство отверженности); формированию параллельных сообществ с низкой лояльностью к принимающему обществу. Исследования (например, Crul & Schneider, 2010) [доказывают](#): школьная сегрегация напрямую коррелирует с ростом ксенофобии и социальной напряженности.

Следует отметить, что механизмов подготовки детей к тесту (бесплатные курсы) недостаточно, что в целом делает требование заведомо проблематичным к выполнению для многих. Передача разработки теста Министерству просвещения России без четких критериев открывает путь к определенному субъективизму.

В районах с высокой долей детей мигрантов (г. Москва, г. Санкт-Петербург и другие крупные агломерации) массовый отказ может привести к катастрофе, вызванной низким уровнем адаптации детей мигрантов в принимающее российское общество.

Закон, формально направленный на «языковую адаптацию», превращается в инструмент образовательной эксклюзии из-за отсутствия поддерживающих мер. Реализация этого закона порождает риски долгосрочной социальной дестабилизации и противоречит глобальным трендам на инклюзивность образования. Ключевая проблема, вероятная подмена интеграционной практики (требующей существенных ресурсов) на фильтрационную практику (требующей минимума затрат).

Представляется, что при всей полезности введенной нормы, необходимы ее некоторые корректировки, направленные на смягчение последствий в виде разработки параллельных программ адаптации и, возможно, пересмотра критериев оценки тестирования.

Точки религиозных противоречий

Проблема «крестопрода» на визуальных государственных символах

13 мая с.г. медийное пространство «взорвала» реакция на [видеозапись с торжественного мероприятия](#) в Чечне, посвященного 25-летию ОМОН «АХМАТ-Грозный», опубликованную накануне главой республики Р. Кадыровым.

Так, военные блогеры и ряд СМИ [обратили внимание](#), что на изображении Государственного герба России, которое было размещено на плацу подразделения, отсутствовали кресты на коронах. Военный блогер К. Федоров расценил это как негативно влияющий на межнациональные отношения инцидент, усомнившись в возможности уголовного преследования из-за «особого статуса» региона.

Немедленно последовали призывы квалифицировать действия по статье 329 Уголовного кодекса (надругательство над государственной символикой), инициированные преимущественно СМИ, признанными иностранными агентами и зарубежными деструктивными антироссийскими ресурсами. Примечательно,

что в самом Федеральном конституционном законе от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» присутствие крестов текстуально прямо не закреплено, что можно толковать как геральдическую недоработку законодателей, а с 2017 г. официальный цифровой российский герб для государственным учреждений использовал ромбики вместо крестов.

Замена крестов на ромбы на цифровом гербе России, разработанного специально для сайта Президента России «www.kremlin.ru» было продиктовано техническими ограничениями, так как кресты в маленьком размере превращались в нечеткие пиксельные артефакты – [заявил управляющий партнер Смены, группа компаний АИС А. Геллер](#), работавший над новой версией президентского сайта.

Понятие «надругательство» в судебной практике трактуется как очевидно издевательские действия (уничтожение, сожжение, нанесение циничных надписей), что ставит под сомнение применимость уголовной статьи к этому случаю. Ситуация высветила острую необходимость унификации законодательного описания герба, включая его цифровые версии, и детализации состава статьи 329 Уголовного кодекса. Действующее законодательство содержит лишь общее описание: «...в лапах орла – скипетр и держава; над головами орла – три исторические короны Петра Великого». Кресты на коронах подразумеваются исторически и визуализируются в приложениях, но текстуально не прописаны. Это было фундаментальной законодательной уязвимостью. Утверждение в 2017 г. герба с ромбиками для государственных учреждений сформировал легитимную альтернативную версию, фактически легализовав отсутствие крестов в цифровом пространстве, что в корне противоречит традиционному изображению и де-факто создает двойной стандарт.

В условиях актуализации российских традиционных духовно-нравственных ценностей крест на гербе приобрел усиленное сакральное значение как символ православной идентичности России. Его удаление/отсутствие интерпретируется частью российского общества как экзистенциальный вызов этой самой идентичности, особенно в контексте мусульманского региона.

Инцидент в Чечне актуализирует дискурс об «особом статусе» региона и пределах региональной автономии в вопросах государственной символики. Это касается баланса между уважением к местным традициям и соблюдением единых общенациональных стандартов. Ситуация стала веским поводом для информационной кампании как со стороны иноагентов – «оппозиционных ресурсов» (акцентирующих внимание на якобы «сепаратизме»), так и части патриотического сообщества (акцентирующих внимание на надругательстве), что эксплуатирует тему межрелигиозных и межнациональных отношений.

Целенаправленное раздувание темы СМИ-иноагентами и зарубежными ресурсами преследует цель дискредитации российской государственности, подачи ее как «слабой» или «двойственной» в вопросах символов и единства. Трактовка инцидента как элемента долгосрочной кампании по дискредитации герба отражает парадигму «осажденной крепости» и поиска как внутренних, так и внешних врагов, подрывающих символический фундамент государства.

На пути решения проблемы требовалась поправка в законодательство, детально описывающая все элементы герба, включая кресты на коронах, их форму и расположение, унифицирующая его изображение для всех носителей (включая цифровые), где законодателю следовало бы определить границы «надругательства», возможно, введя отдельный состав для ненадлежащего использования государственной символики в цифровом виде, но с нарушением установленных стандартов, с дифференциацией наказаний.

Представляется целесообразным, чтобы Минкультуры России и Росстандарт разработал и довел до всех госорганов и публичных лиц недвусмысленные инструкции по корректному воспроизведению государственной символики во всех контекстах.

Вместе с тем, уже 26 мая с.г. Госдумой России был [принят федеральный закон, направленный на запрет воспроизведения религиозных объектов без их символики](#). Инициатива, получившая народное название «антикрестопад», запрещает публикацию изображений культовых зданий (церквей, мечетей и др.), государственной и муниципальной символики, а также коммерческой рекламы, где отсутствуют предусмотренные атрибуты – прежде всего кресты на православных храмах. Как [пояснила вице-спикер Госдумы России А. Кузнецова](#), закон защитит символы всех традиционных конфессий России.

Вопрос об ответственности (возможно, по статье 5.26 КоАП за осквернение религиозной символики) обсуждается с Минюстом России. Депутаты Госдумы России выразили опасения о сложностях в трактовке «правильных» символов и технических искажениях при цифровом масштабировании, на что А. Кузнецова ответила, что правоприменители разберутся в каждой ситуации. Законопроект стал реакцией на резонансные случаи: банкноту Центрального Банка России с церковью без креста (2023), учебник с храмом Василия Блаженного (2024), логотипы государственных органов с ромбиками вместо крестов, включая сайт Кремля (май 2025), который оперативно исправили после критики Н. Михалкова и РПЦ. Законопроект, рожденный как реакция на медийные скандалы, демонстрирует «симптоматичное лечение» вместо системной профилактики. Его ключевые риски – правовая неопределенность, идеологизация светского законодательства, игнорирование технических реалий. Эффективнее было бы разработать детальные визуальные стандарты для государственных структур и рекомендации для СМИ и бизнеса, не прибегая к уголовно-административному прессингу за «неправильные» пиксели. Главная проблема – не «крестопад» на изображениях, а отсутствие достаточно внятной государственной политики в сфере визуальной культуры и религиозного наследия в цифровую эпоху.

Инцидент в Чечне – не просто единичный случай, а симптом системных проблем: определенного несовершенства законодательства о государственных символах, противоречий между традиционным и цифровым канонами, а также сложного взаимодействия общероссийской идентичности, региональных особенностей и информационных войн.

Юридическая неопределенность открывает пространство для спекуляций и конфликтов. Устранение пробелов в законе о гербе и уточнение уголовной

нормы – необходимые шаги для предотвращения подобных кризисов в будущем и укрепления единства восприятия государственной символики. При этом важно избегать как излишней криминализации технических ошибок, так и игнорирования символической значимости корректного отображения герба как консолидирующего национального образа.

Межнациональные противоречия

Цыганский фактор

В Алтайском крае, в с. Анисимово 28 апреля 2025 г. резко обострился давний тлевший конфликт между местными жителями и цыганской общиной (около 100 человек, российских граждан, проживающих в этом селе с середины 1990-х гг.). По сообщению регионального СМИ поводом стало отключение электриком (сын которого участвует в специальной военной операции) света в одном из цыганских домов, после чего в его адрес (на мобильный телефон) начали поступать угрозы. Позже один из представителей цыганской общины напал на служебный автомобиль с ножом, спровоцировав ДТП. Это вызвало массовый протест сельчан, едва не переросший в погром после того, как цыган вышел с топором.

Силы правопорядка (полиция, Росгвардия, всего около 40 сотрудников) под личным контролем начальника ГУ МВД России по Алтайскому краю генерала М. Левина взяли село под охрану. Задержаны были всего 14 человек, возбуждено уголовное дело о покушении на убийство. Жители заявили СМИ о многолетнем терроре: запугивании детей, массовых избиениях русских, краже бензина при пассивности участкового.

Как заявляли сельчане, они устали жить в страхе, *а выгнать цыган* им дают. Примечательно, что накопленный опыт взаимодействия и преодоления трений и открытых конфликтов с цыганскими общинами указывает на растущую тенденцию рассматривать тотальное выселение (или переселение) цыган как единственное решение. Проблемы законности проживания осложняют процесс, но опыт г. Коркино Челябинской области наглядно иллюстрирует, что при высоком социальном напряжении и фактической утрате нелегальных доходов общины могут уйти добровольно, даже неся финансовые потери. Прогнозируется прирост требований о выселении цыганских общин во многих регионах России, что, в свою очередь, способно приобрести форму базовой (отчасти примитивной) модели решения социальных конфликтов с цыганами.

Однако представляется целесообразным, попытаться выявить причины конфликта. Во-первых, вероятно, системное бездействие властей, когда жалобы на многолетние правонарушения и преступления (угрозы, избиения, кражи) игнорировались правоохранительными органами, создавая вакуум правосудия и формируя чувство безнаказанности у одной стороны, беспомощности и гнева – у другой. Во-вторых, социальная изоляция и взаимное недоверие, отсутствие интеграции общины в сельское сообщество как таковое (проживающей в селе более 30 лет) привело к формированию бескомпромиссных антагонистических

стереотипов («цыгане–преступники» против «русские–ксенофобы»). В данном случае следует оговориться, обратившись к результатам прежних экспертно-аналитических материалов подобного рода (в которых комплексно анализировался цыганский феномен конфликтности в различных регионах России, например, в г. Коркино), и отметить тот факт, что цыганские общины не проявляют желания и готовности интегрироваться в окружающее общество – социализироваться, предпочитая изолированный и обособленный социальный уклад. В-третьих, упоминание кражи бензина и иных незаконных (нелегальных) источников дохода косвенно указывает на возможную связь конфликта с бедностью и криминализацией части общины.

Среди триггеров эскалации данного конфликта можно назвать несколько обстоятельств: *символическое значение фигуры электрика*, когда его статус «отца участника специальной военной операции» придал, по общему взгляду, частному бытовому инциденту (отключение света) патриотический подтекст, усилив поддержку сельчан; *открытое насилие* (удар ножом в автомобиль и спровоцированное ДТП – прямой переход к угрозе жизни, ставший точкой бифуркации для массового протеста⁰; *демонстрация оружия* – появление цыгана с топором перед толпой было воспринято как акт агрессии, спровоцировав готовность к самозащите и самосуду.

Действия местных властей требуют отдельного анализа. Силовой контроль в виде оперативных и весьма масштабных действий (привлечение Росгвардии, личное участие генерала – начальника краевого ГУ МВД России), очевидно, способствовало предотвращению возможных погромов. Вместе с тем реакция и предпринятые меры имеют в большей степени узконаправленный характер, поскольку возбуждение дела только по факту покушения на убийство против представителя цыганской общины игнорирует многолетний контекст жалоб жителей на преступления «против них», равно как и нет указаний на проверку факта бездействия участкового. Задействованные силы правопорядка купировали вероятный бунт, но не предложили механизмов решения глубинных проблем, лишь консервируя напряженность, что укладывается в «тактическую победу, но стратегическое поражение».

Из обстоятельств и промежуточных итогов разрешения рассматриваемого конфликта формируются определенные тренды, риски и угрозы эскалации межэтнических отношений. Среди них:

1. *Легитимизация выселения.* Активно накапливается опыт «общественного запроса» на принудительное переселение цыган как наиболее приемлемого решения конфликтных ситуаций, что является крайне опасным прецедентом для прав национальных меньшинств, компактно проживающих на той или иной территории.

2. *Рост ксенофобии и организация самосуда.* Так, бездействие властей в прошлом и ситуативный силовой ответ в условиях широкого общественного резонанса укрепляют у местного населения представления и убеждения в том, что только давление и угроза насилия представляются эффективными.

3. *Эскалация «по образу».* Успешное (с позиции инициаторов) побуждение к переселению цыганской общины из г. Коркино может стать моделью для других населенных пунктов в российских регионах (в которых сосредоточены точки напряжения во взаимодействии с цыганскими общинами), провоцируя аналогичные требования и конфликты.

4. *Этническая сегрегация.* Тренд на побуждение к переселению вместо гибкой интеграции в социум ведет к дальнейшей маргинализации цыганских общин и росту межэтнической вражды, росту ромофобии и стигматизации всей общины.

Как уже отмечалось в прежних экспертно-аналитических материалах, проблема конфликтности цыганских общин связана с недостаточной готовностью органов власти работать с замкнутыми этническими сообществами.

Цыганские таборы живут по своим «законам». Без стратегии интеграции (*представленной и комплексно описанной в экспертно-аналитической справке за ноябрь 2024 г.*) и бескомпромиссного пресечения преступности «новые» эксцессы в аналогии тех ситуаций, что произошли в Чемодановке, г. Коркино, с Анисимово неизбежны. Существенная угроза на фоне современных процессов в России – риск получения «десятки параллельных миров» (социокультурных анклавов) внутри своих границ. Ситуация с межэтнической напряженностью, связанной с деятельностью представителей цыганских общин в России, в настоящий момент времени действительно сложная, требующая комплексного анализа и подхода к ее решению. В развитие к ранее (*в экспертно-аналитической справке за ноябрь 2024 г., февраль 2025 г.*) предложенным путям решения проблемы, целесообразно предложить следующее.

Главные причины и катализаторы конфликтов, установленные по результатам анализов резонансных событий с 2024 г. по май 2025 г.:

1. *Культурно-социальный разрыв.* Цыганские общины зачастую живут по собственным традициям, игнорируя российские законы (самострой, отсутствие документов, уклонение от образования и официальной работы). Закрытость общин и нежелание интегрироваться в общество провоцируют недоверие со стороны местного населения.

2. *Правовой вакуум.* Самострой и незаконная деятельность (наркоторговля, криминал) остаются безнаказанными из-за бюрократии, коррупции и нехватки ресурсов у правоохранителей. Сложности с привлечением к ответственности из-за статуса российских граждан у многих цыган.

3. *Экономические факторы.* Отсутствие легальных доходов у части общин ведет к теневой экономике, а т.н. «цыганские бароны» монополизируют контроль над общинами, используя связи с властями для защиты своих интересов.

4. *Роль диаспор в лоббировании и продвижении интересов.* Национально-культурные автономии часто превращаются в инструмент давления на власть, что позволяет архаичным общинам сохранять свою специфическую аутентичность и замкнутость.

Проблема требует разработки долгосрочной стратегии, интегрирующей несколько компонентов.

1. *Строгое правоприменение.* Неукоснительное обеспечение соблюдения норм действующего законодательства всеми участниками социального взаимодействия, вне зависимости от этнической принадлежности. Фокус должен быть направлен на пресечение конкретных противоправных деяний (уголовные преступления, административные нарушения, несанкционированное строительство и т.д.).

2. *Комплексная социальная адаптация.* Реализация поэтапных программ социальной инклюзии, направленных на преодоление острой маргинализации и деконструкцию механизмов социальной изоляции целевых групп.

Критические элементы стратегии:

1. Дестигматизация, когда необходимо избегать генерализации и этнической стигматизации. Идентификация проблем должна основываться исключительно на фактах конкретных правонарушений или социальных девиаций, а не на этнических стереотипах.

2. Прямая коммуникация и вовлечение, путем установления эффективных каналов прямого диалога с представителями цыганских общин является обязательным условием для понимания их потребностей, снятия барьеров недоверия и совместного поиска решений.

3. Деконструкция социальной замкнутости, когда преодоление изоляции общин требует системных мер, включающих:

- образовательную инклюзию – обеспечение и предоставление равного доступа к высококачественному образованию, способствующему социальной мобильности и культурному обмену;

- экономические стимулы и толчки – создание программ профессиональной подготовки, трудоустройства и поддержки легальной предпринимательской деятельности, направленных на интеграцию в легальные сектора экономики и снижение зависимости от маргинальных источников дохода;

- превенция радикализации, а именно: активное вовлечение институтов гражданского общества в процессы урегулирования конфликтов и реализации адаптационных программ, что необходимо для своевременного выявления и нейтрализации факторов, способствующих радикализации как среди местного населения (на почве ксенофобии и ощущения незащитности), так и внутри маргинализированных групп (на почве отчуждения и дискриминации), а также для построения устойчивых горизонтальных связей и механизмов общественного контроля/диалога.

Без реализации указанных мер, сочетающих правовую определенность с гибкими инструментами позитивного стимулирования и вовлечения, существует высокий риск циклического воспроизводства конфликтных ситуаций и эскалации межгрупповой напряженности. Конфликт в с. Анисимово – симптом серьезного кризиса: определенной степени малоэффективности правоохранительной системы, значительных проблем в политике интеграции этнических меньшинств (особенно цыганской общины) и роста социальной напряженности.

Действия властей, направленные лишь на силовое подавление острых проявлений без решения коренных проблем (беззаконие, бедность, взаимная

нетерпимость), вкупе с растущей популярностью радикальных «решений» вроде принудительного побуждения к переселению, создают высокие риски повторения и эскалации подобных инцидентов в регионах России. Ситуация требует комплексных мер по роду и специфике тех, что предложены выше (правовых, социокультурных), но текущий вектор указывает на упрощенные и репрессивные подходы.

Деятельность «Русской Общины»: возможности и пределы

6 мая 2025 г. у [пятерых членов организации «Русская община» прошли обыски](#) в связи с расследованием уголовного дела о причинении смерти по неосторожности (статья 109 Уголовного кодекса). Инцидент произошел в ночь с 3 на 4 мая в г. Всеволожске Ленинградской области, когда группа активистов организации проникла в квартиру. По [версии следствия](#), они сломали дверь, применили перцовый баллончик и электрошокер против 46-летнего хозяина квартиры, а его гости (37-летний гражданин Армении Г. Овакимяна и 24-летняя девушка) забаррикадировались в комнате, где позднее произошло возгорание, приведшее к гибели Г. Овакимяна и тяжелым травмам девушки, выпрыгнувшей с 7-го этажа.

Представители «Русской Общины» [отвергают обвинения](#), утверждая, что действовали по просьбе сестры пострадавшего, а пожар устроил сам погибший (Г. Овакимян) для уничтожения следов наркотиков. Они также указали на его криминальное прошлое, включая нападение на дружинника. Активисты «Русской Общины» утверждают, что действовали по просьбе сестры хозяина квартиры, а дверь якобы была взломана до их прихода.

В последующем данный инцидент начал использоваться либеральными СМИ, диаспоральными группами и медиа ресурсами в Telegram для критики «Русской Общины» как организованной структуры, систематически разжигающей межнациональную рознь. Акцент делается на систематичности нарушений со стороны движения и его предвзятости к выходцам с Кавказа и Средней Азии. Так, еще в октябре 2024 г. Уполномоченный по правам человека в Чеченской Республике М. Солтаев [требовал от российских правоохранительных органов](#) проведение проверки деятельности «Русской Общины», где поводом послужили «многочисленные жалобы» от выходцев с Северного Кавказа и ряд видеозаписей, распространяемых в сети Интернет (на этих записях, как сообщало издание «Грозный-информ», представители объединения проводили несанкционированные рейды, в ходе которых требовали предъявления документов у людей кавказской и азиатской внешности, в т.ч. у мигрантов. М.Солтаев тогда подчеркивал, что российское законодательство не предоставляет лицам в частном порядке по личной инициативе инициировать проверки и, главное, требовать документы, удостоверяющие личность, поскольку подобные полномочия, согласно закону, имеют уполномоченные лица строго в определенных законом случаях.

Обстоятельства резонансного информационного повода, связанного с заявлением М. Солтаева было проанализировано в рамках подготовки экспертно-аналитической справки за октябрь 2024 г. В частности, отмечалось, что позиция

чеченского омбудсмана относительно «Русской Общины» вызвала «шквал» реакций, которые в сумме с другими событиями, инцидентами и конфликтами обнажили существующую поляризацию в позиционировании «Русской Общины» внутри российского общества. Координатор «Русской Общины» А. Афанасьев в [своем видеообращении заявил о полной готовности организации](#) к любым проверкам и подчеркнул ее активное сотрудничество с правоохранительными структурами, выразив недоумение в связи с обвинениями и отметив, что проблемы миграции, радикализации и криминогенной обстановки волнуют жителей всех регионов России, включая Северный Кавказ и Поволжье.

Тогда А. Афанасьев небезосновательно связал усиление критического внимания к «Русской Общине» с [публикацией большого материала в Русской службе ВВС](#), автором которой была названа покинувшая Россию журналистка А. Затари. В статье организация характеризовалась как крупнейшая ультраправая структура в стране, способствующая росту националистической активности.

Публикация вызвала значительный общественный резонанс в России: российские эксперты раскритиковали ее ключевые тезисы, расценив материал как часть западной стратегии по продвижению «революционной» повестки и стремлению разделить Россию и справедливо указав на то, что репортаж в целом сокрушается по поводу сотрудничества «Русской Общины» с органами власти в поддержке специальной военной операции и противодействии внутренним угрозам, в отличие от прежних и бывалых «революционных» националистов.

Дальнейшим этапом развития ситуации стала встреча командира спецназа «Ахмат» А. Алаудинова с лидерами «Русской Общины» 9 октября 2024 г. В [опубликованном видеообращении А. Алаудинов сообщил](#), что признал изначально благие цели организации, но отметил, что из-за разрозненности движения возможны «перегибы» на местах, при этом выразив поддержку уставным задачам «Русской Общины». Заявления М. Солтаева и последовавшие события спровоцировали широкую общественную дискуссию в СМИ и социальных медиа ресурсах о методах работы «Русской Общины» и ее влиянии на межнациональные и межрелигиозные отношения в России. Мнения разделились: часть экспертов выражала опасения относительно возможного разжигания розни, другая часть признавала важность поднимаемых организацией социальных проблем, особенно в сфере миграции.

Возвращаясь к событиям в г. Всеволожске Ленинградской области, нужно отметить, что действия активистов «Русской Общины» (взлом двери, применение специальных средств) попадают под действие статьи 139 Уголовного кодекса (неприкосновенность жилища), однако следствие ограничилось применением статьи 109 Уголовного кодекса (смерть по неосторожности), а участников рейда отпустили в статусе свидетелей, что указывает на заведомо мягкую позицию правоохранителей. «Русская община» уже неоднократно избегала ответственности за применение насилия, [например, в сентябре 2024 г. СК России под давлением А. Бастрыкина возбуждал дела против полицейских](#), задержавших активистов за угрозы таксисту-дагестанцу, но прокуратура их отменила.

Следует отметить некоторые юридические и оперативные противоречия.

Во-первых, *статус участников*: члены «Русской Общины» были отпущены как свидетели, а не подозреваемые, что подчеркивает недостаток доказательной базы для уголовного преследования. Однако обыски и задержание указывают на попытку давления. Во-вторых, *конфликт версий*: правоохранительные органы акцентировали внимание на «самоуправстве» дружинников, тогда как «Русская Община» настаивала на законности вызова и провокации со стороны погибшего. Отсутствие оперативного реагирования на их более ранние заявления о его деятельности ставит вопрос о возможном бездействии органов правопорядка.

Негативными последствиями этого события могут быть (фактически уже стали) – скоординированные информационные кампании против организации, когда СМИ и НКО, признанные в России «иностранными агентами» (например, «Медуза», «Открытые медиа», «Медиазона»), могут тиражировать нарратив о т.н. «преступной деятельности» «Русской Общины», игнорируя сам контекст, а также то, что «силовики закрывают глаза на их действия из-за дефицита кадров и идеологической близости». Основная тактика дискредитации сейчас, и, вероятно, в последующем (по тем или иным событиям вокруг организации) – это генерализация резонансных событий через связь инцидента с обвинениями в «разжигании межнациональной розни», несмотря на отсутствие доказательств этнической мотивации. Следует указать на значительные риски того, что группы по типу диаспорных сообществ могут гиперболизировать этнический подтекст, игнорируя криминальный анамнез погибшего, в целом преподнося инцидент как подтверждение т.н. «институционализированной ксенофобии», способной усиливать антироссийские настроения за рубежом.

Комментарии под новостями ([например, на «Фонтанке»](#)) демонстрируют раскол: одни требуют суда над активистами, другие оправдывают их «борьбой с антисоциальными элементами».

Инцидент в г. Всеволожске рискует стать элементом гибридной войны: для деструктивных «либеральных» СМИ и других информационных ресурсов, признанных иностранными агентами – повод обвинить организацию в открытой ксенофобии и дискредитировать патриотические инициативы; для диаспор и НКО – способ усилить тему т.н. «безнаказанности националистов»; для органов власти – тест на сбалансированность: поддержка дружинников без поощрения самоуправства. Ключевая опасность состоит в подмене фактов политическими спекуляциями, что углубляет раскол в обществе и снижает доверие к институтам.

Таким образом, деятельность «Русской Общины» в многонациональном российском обществе продолжает вызывать неоднозначные оценки. С одной стороны, организация декларирует цели взаимопомощи русским людям в решении социальных вопросов. С другой стороны, отдельные ее методы и риторика несут явные риски роста межнациональной и межрелигиозной напряженности, особенно на фоне попыток внешних сил дестабилизировать Россию путем раскола общества по социальным, этническим и религиозным признакам. Эти силы поддерживают сепаратистские настроения, продвигают

неолиберальные концепты и идеи, подрывающие традиционные ценности, оказывают помощь определенным НКО и активистам, а также распространяют через западные СМИ и ресурсы социальных медиа (BBC, CNN и др.) нарративы о т.н. «нарушении прав меньшинств» в России, манипулируя фактами. Проблема миграции, как ключевая для «Русской Общины», часто становится мишенью такой критики, а действия организации интерпретируются как «проявление национализма».

Вероятно, требуется принятие некоторых законодательных ограничений деятельности «добровольных дружин», без которых возможны повторения инцидентов с жертвами среди граждан, особенно в регионах с высокой степенью межэтнической напряженностью (например, Алтайский край, где в апреле с.г. едва предотвратили погром против цыган).

В части обсуждения легитимности деятельности подобных объединений ключевое значение имеет Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», который устанавливает правовые основы взаимодействия правоохранительных органов и населения, предусматривая несколько форм участия граждан: содействие полиции (информирование, помощь на мероприятиях), помощь в поиске пропавших, работа внештатными сотрудниками полиции, участие в общественных объединениях правоохранительной направленности и деятельность в народных дружинах. Дружинники, прошедшие подготовку и внесенные в реестры, имеют право требовать прекращения противоправных действий и применять физическую силу только в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Согласно ст. 11 ФЗ-44, граждане с 18 лет могут создавать общественные объединения правоохранительной направленности (без образования юрлица) по месту жительства, работы или учебы, но участвовать в охране порядка они вправе только после внесения в региональный реестр.

Другим резонансным инцидентом с межэтническим акцентом и широкой оглаской в рассматриваемом периоде (май 2025 г.) было событие в г. Камешково Владимирской области.

6 мая с.г. у хостела «777» в г. Камешково Владимирской области [произошла массовая драка](#) с участием нескольких десятков человек, вооруженных палками и бутылками. Часть нападавших скрылась в здании хостела. Информационный портал «Фортанга» (признано иностранным агентом, заблокировано в России) [со ссылкой на «националистические ресурсы» заявило](#) о возможном конфликте между ингушами и «русским объединением», однако официальные источники не подтвердили детали инцидента. 9 мая с.г. [МВД России возбудило уголовные дела](#) по статьям 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и 213 (хулиганство) Уголовного кодекса.

Реакция на Северном Кавказе была немедленной. Депутат Госдумы России А. Делимханов [охарактеризовал инцидент](#) как «националистическую атаку», а сенатор от Республики Ингушетия М. Илезов [сообщил](#) о личном контроле этой

ситуации со стороны главы республики. В ответ во [владимирских пабликах](#) (в социальной сети «VK») появились призывы воспрепятствовать вмешательству кавказских диаспор в расследование инцидента в г. Камешково, а также версии о провокационном поведении выходцев с Северного Кавказа.

Представитель «Русской Общины» [А.Ткачук отрицал](#) причастность своей организации к произошедшей массовой драке, но отметил, что после обвинений в их адрес местные жители стали массово обращаться в «Русскую Общину» с предложениями создать в городе отделение организации.

Инцидент в г. Камешково Владимирской области демонстрирует опасную модель, при которой локальный межнациональный конфликт трансформируется в инструмент политического влияния и экспансии. Ключевой проблемой стал информационный вакуум: отсутствие оперативных комментариев от властей Владимирской области позволило фактически одномоментно деструктивным, националистическим пабликам и лидерам общественного мнения на Северном Кавказе (этническим антрепренером) сформировать прямо взаимоисключающие (противоположенные) нарративы. Вмешательство политиков из регионов Северо-Кавказских республик (Делимханов, Илезов), хотя и объяснимо с точки зрения защиты земляков, объективно спровоцировало эффект «этнизации» конфликта – вместо правовой оценки действий конкретных лиц началось противостояние обобщенных образов «кавказцев» против «русских активистов».

Публичные заявления политиков с Северного Кавказа воспринимаются в регионах как попытка давления на следствие, что вызывает ответную мобилизацию русских национал-патриотов. Недовольство населения реальными проблемами (незаконные мигранты, а также преступные группировки, сформированные по этническому принципу) накладывается на ощущения безнаказанности отдельных этнических сообществ, создавая спрос на «силовые» решения и самоуправство.

Отсутствие и/или запоздалость прозрачного расследования заставляет граждан искать «альтернативные» структуры защиты, чем искусно пользуются координаторы движения, предлагая вступать в их ряды «для предотвращения новых нападений».

Развитие подобных ситуаций содержит существенные риски для мира и согласия в межнациональной среде, где каждый новый конфликт с участием выходцев с Северного Кавказа будет автоматически рассматриваться движением как повод для создания региональных ячеек, особенно в малых городах с низким уровнем межэтнической коммуникации. Расширение сети отделений организации под лозунгом «защиты прав русских» может привести к систематическому дублированию функций правоохранительных органов (рейды, «патрулирование»), что провоцирует правовой хаос. Вмешательство властей национальных республик в дела других регионов (даже в гуманитарном формате) воспринимается как покушение на некий суверенитет территорий.

«Камешковский инцидент» высветил некоторые уязвимости государства в сфере национальной политики. «Русская Община» действует по схеме «спрос рождает предложение», где спрос формируется неэффективностью официальных институтов в трех областях:

- 1) оперативное расследование межэтнических конфликтов;
- 2) противодействие криминальным элементам диаспор;
- 3) противодействие информационным манипуляциям.

Без создания единого алгоритма реагирования на подобные случаи (включая обязательные пресс-релизы МВД России в первые 24 часа, санкции к политикам, нарушающим федеральную повестку, и мониторинг социальных сетей для опровержения недостоверной информации) география движения будет расширяться пропорционально количеству конфликтов. Парадоксально, но этнократии национальных республик, пытаясь защитить «своих», объективно становятся драйверами роста национализма в центральной России.

Башкирия: контуры новых противоречий

В Башкирии [фиксируется нарастание угроз трансформации экологических протестов в межнациональный конфликт](#). Так, с мая 2025 г. в Абзелиловском районе активизировались протестные настроения, формально связанные с планами разработки медного месторождения. Координационным ресурсом является сайт «[Крыкты-тау живи](#)», который распространяет апокалиптические сценарии о радиоактивном заражении и уничтожении экосистем. Реальными организаторами, по данным некоторых источников, выступают запрещенные в России экстремистские структуры «Башкорт» и «Башнацполит», действующие, вероятно, через активиста-эколога [У. Байбулатова](#) и адвоката [И. Суюндукова](#) под руководством находящегося за рубежом Р. Габбасова (внесен в список террористов и экстремистов). Финансовую поддержку протеста связывают с бизнесменом И. Хабировым, владельцем канала и собственником местных коммерческих структур, использующим акции для давления на потенциального конкурента – горно-обогатительный комбинат.

Сценарий повторяет тактику раскрутки антироссийских настроений вокруг разработки шихана Куштау в 2019–2021 гг., где фактически те же силы спровоцировали массовые беспорядки в г. Баймаке (события января 2024 г.), активно эксплуатируя нарратив о «грабеже национального достояния русскими компаниями».

Реальная экологическая озабоченность (риски добычи меди) используется как легитимный повод для радикализации и этномобилизации. Исследования подтверждают: экологические проблемы – высокоэффективный катализатор протеста из-за эмоциональной вовлеченности населения. Распространение неподтвержденных страхов (радиация и другие заболевания) – классическая тактика создания «моральной паники», что подрывает доверие к официальным данным и рациональной дискуссии. Большинство ресурсов в сети «Интернет» выполняет функции альтернативного медиа, координационного хаба и эхо-камеры, усиливающей радикальные нарративы. Алгоритмы социальных сетей и медиа ресурсов ускоряют виральность контента с негативной эмоциональной нагрузкой.

Переформатирование экологического протеста в «сопротивление против Центра» (избитый нарратив о «грабеже федеральным центром») искусственно

привносит этническое измерение, а сама теория «внутреннего колониализма» используется для формирования образа врага («русские компании»). Практика апелляции к известным событиям в Куштау и г. Баймаке – очевидный пример «мемориальной активизации», когда прошлые конфликты мобилизуются для эскалации текущего противостояния. Участие зарубежных акторов (Р. Габбасов) обеспечивает если не финансовые ресурсы, то «идеологическую» поддержку и международную медиатизацию в системе западных информагенств, повышая ставки конфликта и широту медийного охвата резонанса.

Потенциальное сотрудничество бизнеса с экстремистскими элементами формирует теневые коалиции, где экономические цели достигаются через политическую дестабилизацию.

Институциональные риски и уязвимости:

1. Низкое доверие к региональным властям и экологам-экспертам (из-за прошлых негативных кейсов вроде событий вокруг Куштау или в г. Баймаке) облегчает манипуляцию общественным мнением.

2. Запрет деструктивных организаций не в полной мере ликвидирует их сетевые локализованные структуры, легко адаптирующиеся к цифровой среде. Преследование низовых активистов игнорирует высших кураторов.

3. Нерешенность вопроса о балансе между промышленным развитием и экологической защитой лишает региональные власти инструментов легитимного урегулирования.

Обострение данной ситуации способно привести к локальным трениям и столкновения с силовиками, росту этнической самоидентификации башкирской молодежи, экономическим потерям из-за заморозки проекта, а также массовым беспорядкам с межнациональной компонентой (например, как в г. Баймаке) и ответной радикализацией русскоязычного населения.

Представляется целесообразным для смягчения либо полного устранения эскалации (при условии интервенции) провести независимую экологическую экспертизу, прозрачные общественные слушания, открыть уголовные дела за факты подстрекательства, создать рабочие группы с участием нейтральных НКО и этнических антрепренеров.

Таким образом, ситуация в Абзелиловском районе – не экологический, а системный этнополитический вызов, где экология служит языком выражения глубинных противоречий – столкновения разнообразных экономических целей и интересов, этнополитической маргинализации, дефицита доверия к институтам и уязвимости к гибридным воздействиям. Купирование протеста силовыми методами (как во время событий вокруг Куштау) лишь отсрочит взрыв. Ключ к деэскалации – в демонтаже экономических схем, стоящих за «протестным бизнесом», обеспечении прозрачности природопользования и создании инклюзивных площадок диалога с местными этнокультурными сообществами, исключающих монополизацию повестки экстремистами.

Выводы

Сохранение и укрепление межнационального мира продолжает оставаться важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации.

В [Стратегии национальной безопасности](#) подчеркивается: гражданское согласие служит фундаментом устойчивости страны и должно быть обеспечено через последовательную борьбу с проявлениями экстремизма, национализма и радикальных идеологий.

В условиях растущей внешнеполитической напряженности и давления со стороны западных стран, вопросы межэтнического и межрелигиозного взаимодействия становятся объектом целенаправленного вмешательства извне. Распространение экстремистских идей, попытки спровоцировать радикальные настроения и дестабилизировать ситуацию требуют усиленного экспертного контроля.

На протяжении всего периода мониторинга сохраняется тревожная тенденция роста экстремизма и радикализма в различных формах. Обновленная Стратегия противодействия экстремизму своевременно акцентирует внимание на деятельности радикальных объединений, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую риторику, которые эксплуатируют этнический и религиозный факторы для вербовки сторонников, разжигания межнациональных и межконфессиональных противоречий, что подтверждается резким ростом экстремистских преступлений в 2024 г.

Особую уязвимость демонстрирует молодежь: фиксируются случаи вовлечения подростков в ультраправые группировки и активная вербовка мигрантов в экстремистские сети. Параллельно нарастает угроза религиозного радикализма: в ряде регионов отмечаются попытки насаждения норм шариата в светское общество, а на Северном Кавказе и в Поволжье усиливается деструктивное информационное воздействие через исламские Telegram-каналы.

Межнациональные конфликты – от бытовых столкновений до серьезных инцидентов – остаются устойчивым риском. Критическим фактором эскалации выступает информационная среда: непроверенные данные и недостоверная информация систематически используются для разжигания ненависти, стигматизации групп и подрыва гражданской идентичности, причем цифровые платформы служат основными каналами распространения деструктивного контента.

Целенаправленное манипулирование общественным мнением (сознанием) и дискредитация властей создают «благотворную» среду для экстремизма и межэтнической напряженности. Несмотря на предпринимаемые усилия по укреплению стабильности, текущая ситуация (май 2025 г.) характеризуется хрупким балансом между необходимостью сохранения межнационального и межконфессионального согласия в условиях внутреннего разнообразия и внешних вызовов, с одной стороны, и экономической зависимостью от миграции, являющейся мощным дестабилизирующим фактором, – с другой. Ключевые концепты «многонационального единства» и «традиционных ценностей» испытываются на прочность практическими проблемами: ксенофобией, бытовой

нетерпимостью, конфликтами на религиозной почве и миграционными эксцессами.

Успешное противодействие этим вызовам требует не только силовых и административных мер, но и глубокой корректировки подходов к интеграции, диалогу и формированию инклюзивной гражданской идентичности в долгосрочной перспективе. Однако в текущих условиях эти задачи носят скорее теоретический характер, нежели реализуемую практическую политику. Геополитическая напряженность, проведение специальной военной операции многократно повышают значимость поддержания межнационального мира. Критически важны постоянный мониторинг, анализ и превентивное реагирование на конфликты, а также всестороннее изучение системы межнациональных отношений России – от историко-культурных особенностей до глобальных трендов – для обеспечения стабильности и безопасности.

Преодоление многих вызовов требует не только и не просто корректировки подходов, а парадигмального сдвига от силовой стабилизации к инвестициям в человеческий капитал (например, образование, борьба с бедностью), созданию горизонтальных институтов диалога и пересмотру информационной политики с фокусом на формирование условий для доверия, а не только контроля. Без этого «межнациональное согласие» может носить декларативный характер.

Сохранение межнационального мира и межконфессионального согласия выступают фундаментальным условием общественной стабильности. Для достижения этой цели необходимо углублять диалог между государственными институтами и гражданским обществом, совершенствовать региональное управление, а также задействовать цифровые инструменты для своевременного мониторинга и реагирования на этнические вызовы. Ключевое значение имеет формирование конструктивной медиаповестки в СМИ и соцсетях, способной нейтрализовать деструктивные манипуляции.

Развитие межкультурного диалога, противодействие дискриминации и признание культурного многообразия являются не только гуманитарным императивом, но и стратегическим компонентом государственного развития. Подлинное единство общества может быть сформировано исключительно через обеспечение равных прав, возможностей и уважения к различиям, основанное на общих ценностях и верховенстве закона.

Таким образом, укрепление межнационального мира требует не реактивных, а системных решений – с опорой на аналитику, научные подходы и широкое общественное участие. Только консолидация усилий на всех уровнях власти позволит преобразовать этническое многообразие России в незыблемую основу национального единства и суверенитета.

ЦСПИИТ